

СНАЧАЛА, КАК ОБЫЧНО, было слово.

Так начинался совершенный век.
В нем виделся беспечный человек
Примером послушания земного.

Молитвы небесам за прочность крова
Он возносил усердно каждый день,
Просил за мать, чтоб та была здорова,
Чтоб грел очаг, не искушала лень.

Но в час всеискупления святого
Из уст прилежных вырвалось: «Распни!»
Как отголосок рвения иного.

Звенели запыленные оковы,
И ежились дозорные огни...
Слова, слова... И что в них есть такого?

НЕ ПРОЗА ВЫВОДИТСЯ — пишутся песни,

Перо не смущают ни голод, ни страх.
Стихами и музыкой жить интересней,
Заветная сила таится в словах.

Не тропы проторены в мир, а дороги,
Все «если» да «кабы» в расчет не беру.

Сейчас педагоги особенно строги,
Нет тех, кто учил нас живому добру.

Не старость приходит, а именно зрелость.
Хоть так нелегко эту грань разглядеть.
Как будто изведано все, что хотелось,
И все-таки многое можно успеть.

В душевном смятении телу отрада,
И мысли, и чувства к волненью готовы!
В прощальном посланье два слова: «Так надо».
Уходит влюбленность, приходит любовь.

ЛЮБОВЬ к себе — заносчивость? Быть может.
Но как греховных избежать сетей?
Когда недуг навязчивей и строже:
В расцвете лет, где искренность дороже
И равнозначность дружеских затей?

Или потом, где прожитые годы —
На юбилейном торте вялый крем,
Когда часы внезапные свободы
Являют миг сиюминутной моды,
Но ничего не значат, между тем?

Ответ непрост и, в то ж время, ясен,
На смелый шаг меня благослови,

О, Господи, я жалок и ужасен:
В любви к себе я прочим не опасен,
Я страшен, не дающий им любви.

Но, только сквозь перо пускаю пламень жил,
С отчаяньем борюсь и сетую, что трушу.
И из святых никто в земном раю не жил,
Но вряд ли так хлестал сомнениями душу.

ПЕЧАЛЬ – ПРИМЕТА зреющей души,
Страдание высокого полета.
От тяжести возложенного гнета
Бездумно избавляться не спеши.

В ней настроенья видимая грань,
Она как моря дремлющие свитки.
Так отложи бесплодные попытки,
И светлый ум сомненьями не рань.

Но боль и все, что оттеняет путь,
Носи с собой, чтоб после развернуть
пред судьями в обители безгрешной.

А здесь печаль, ее хрустальный груз,
Благословляя искренний союз,
Оставь певцам юдоли безутешной.

Я СОЗЕРЦАЮ МИР и складываю в стол
Историю своих печальных наблюдений.
И, чтобы новый век их мрачными не счел,
Яставляю суть химерой сновидений.

Мечтаю, что придет прозрения черед,
И мыслью дорожу, что в мире станет чище.
За черною горой затеплится восход,
И солнце озарит больное пепелище.

ЭТУ ПЕСНЮ придумал мудрец
Но, исполнив, отправился в Лету.
Разогретые камни
хранят облегчения стон.
Так с далекой античной поры
То преданье гуляет по свету,
Недоступно сияя
величием прежних времен.

Но сквозь ветви густые веков
Пробивается луч озаренья.
Ни к чему повторять
идеальный пример колеса.
Почему б не принять без затей
Результаты чужого прозренья
Хоть на время тогда
Снизойдет к нам былая краса.

И, согласно легенде, звенит
Время юной поэзии златом,
Серебрится штыком
Эра первой шинельной пурги.
Но, увы, не учли одного,
Разбираясь в посланье крылатом:
«медным» названный век
Станет тем, за которым ни зги...